ЛИТЕРАТУРА В ШКОЛЕ

12'2005

Научно-методический журнал. Основан в августе 1914 года

Генрих Фогелер. Н.А.Островский. 1936

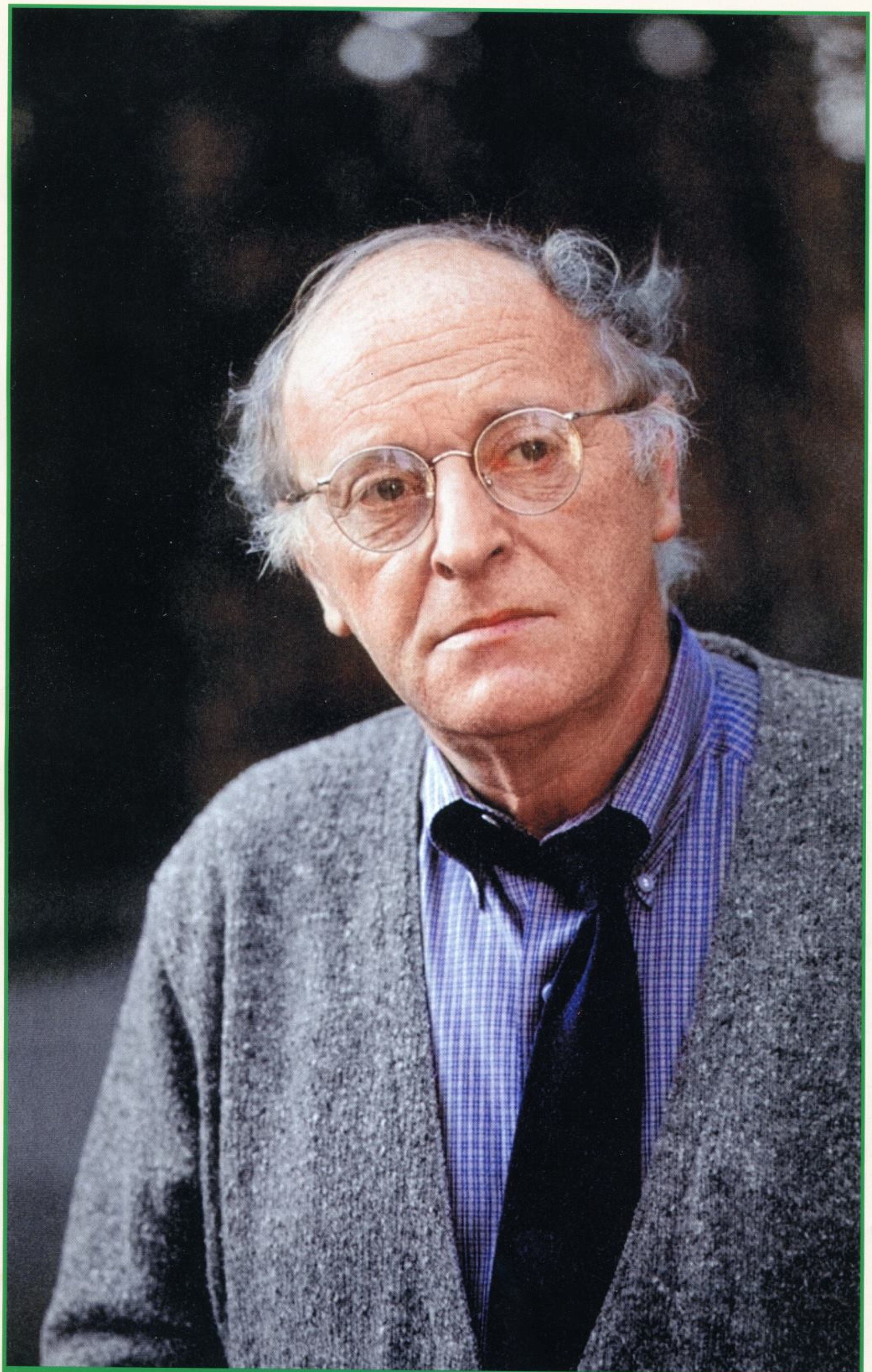
Стр. 22

Когда на уроке мы говорим о романе Н.Островского «Как закалялась сталь», то ученики наши смотрят на него глазами сегодняшнего времени. И это естественно. Больше того, это и необходимо. Но в полной мере понять роман, читая его лишь с позиций нынешнего дня, невозможно. Нужно попытаться взглянуть на мир так, как видели его герои романа...в романе выражена определенная правда времени — правда исторического самочувствия Корчагина и корчагинцев. И не надо думать, что все в этой правде принадлежит только прошлому.

Лев АЙЗЕРМАН

Тон превосходства и насмешки при разговоре об этом поколении абсолютно недопустим... Это ограбленное поколение обладало не одними отрицательными чертами. У него было много (как потом — но только потом — выяснилось, неосновательного) доверия к жизни (что само по себе отнюдь не плохо) и много обаяния, связанного с бескорыстием, со способностью к жертве и многими другими качествами, в которых человечество нуждается и будет всегда нуждаться. Ведь именно оно — так случилось — вынесло на своих плечах основную тяжесть Отечественной войны и в значительной своей части полегло на фронтах.

Наум КОРЖАВИН



К статье на стр. 27

И.Бродский. Фото Марка Штейнбока

КУЗНЕЦОВА Лариса Петровна —
учитель политехнического общеобразовательного лицея г. Борисов Минской области, Республика Беларусь

ЗНАКОМИМСЯ С ПОЭЗИЕЙ И.БРОДСКОГО

УРОК-ИССЛЕДОВАНИЕ

Цель урока: познакомить учащихся с жизнью и поэзией Бродского (1940—1996), лауреата Нобелевской премии, поэта трудной судьбы; ввести учеников в эмоционально сложную атмосферу творчества Бродского, помочь увидеть его истоки, питавшие молодого поэта, раскрыть трагедию его одиночества и изгнания; развивать умения исследовательской деятельности, аналитического и образного мышления посредством разноуровневых заданий, закреплять умения сравнительного анализа и интерпретации текста, воспитывать вдумчивое, бережное отношение к художественному слову, а также формировать нравственные ценности у ребят.

(Задания группам учащихся были предложены за неделю до урока.)

Ход урока.

Эпиграф:

Навсегда расстаемся с тобою, дружок,
нарисуй на бумаге простой кружок.
Это буду я: ничего внутри.
Посмотри на него — и потом сотри.

И.Бродский. «То не муза воды набирает в рот...», 1981

Вступительное слово учителя. В русской поэзии XX века имя Иосифа Бродского занимает особое, исключительное место. Лауреат Нобелевской премии, русский поэт-эмигрант оказался в изгнании, не приняв систему, которая ограничивала его внутреннюю свободу. Сегодня спустя 9 лет после смерти И.Бродского, можно сказать, что творчество талантливейшего поэта XX века возвращается на Родину. В поэзии Бродского неожиданно ново и органично нашли свое отражение традиции не только русской, но и мировой культуры. В ней четко прослеживаются связи с русской классической литературной традицией, находит свое отражение культура древнего мира, чувствуется влияние англо-американской поэзии.

Бродский — поэт трудной судьбы. В 60-е годы XX века он подвергся репрессиям: официальная пропаганда очернила имя поэта, а вскоре его обвинили по статье «О тунеядстве» и сослали на Север. Однако и после возвращения из ссылки стихи Бродского не издавались. Вскоре ему было предложено покинуть Родину.

Выступление I группы учащихся. *Иосиф Бродский — человек, поэт, личность.* Значимые факты биографии поэта, этапы становления. (Класс составляет краткий план по ходу выступления каждой из групп.)

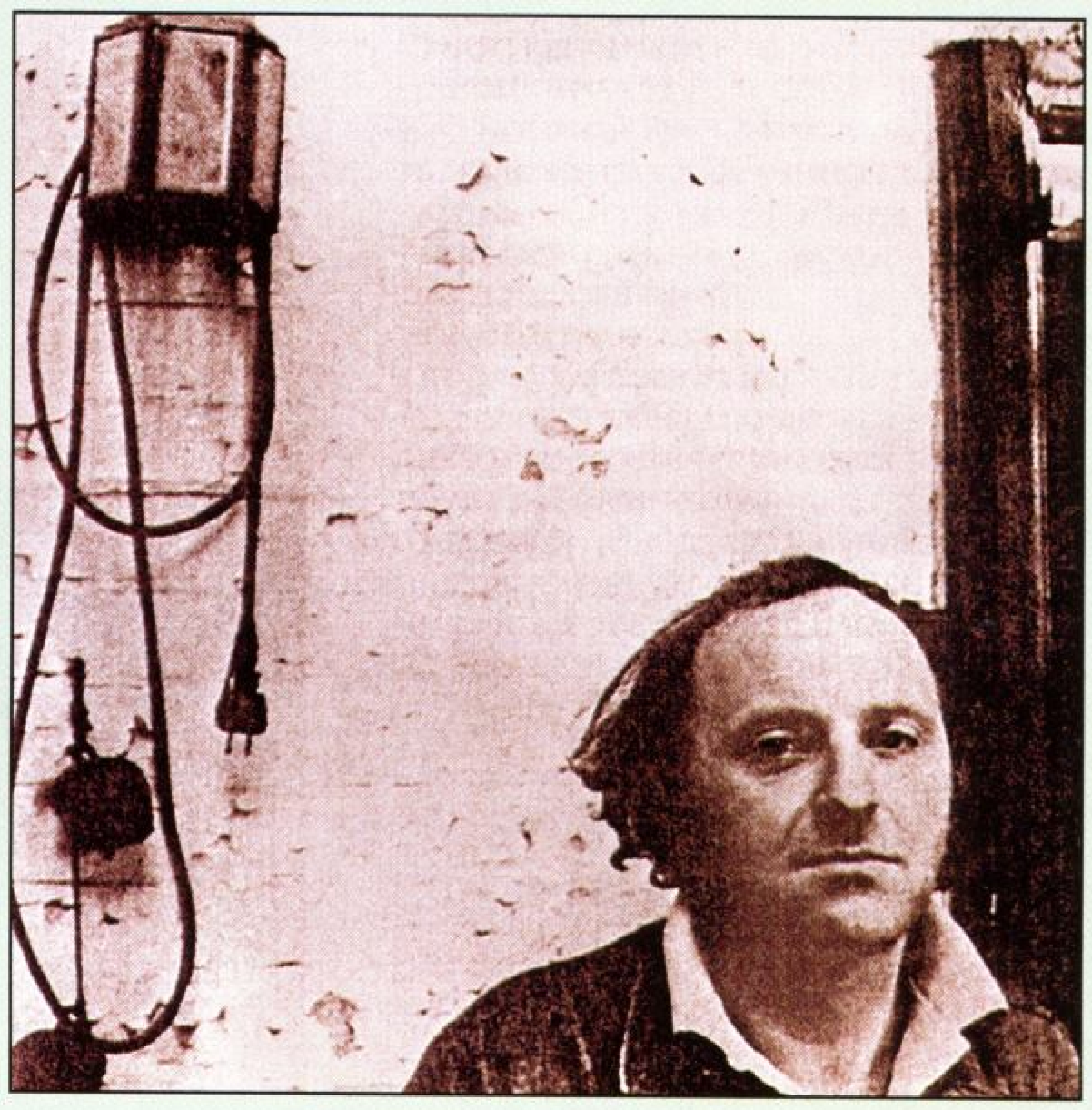
Выступление II группы учащихся. *Бродский и Петербург.*

Лейтмотив анализируемых группой стихов поэта:

Ни страны, ни погоста не хочу выбирать.
На Васильевский остров я приду умирать.
Твой фасад темно-синий я впотьмах не найду,
между выцветших линий на асфальт упаду.

(5, 10)

Учащиеся отмечают, что творчество Бродского во многом автобиографично. Где бы ни находился поэт, на какие бы берега ни заносила его судьба, все его стихи читаются в контексте того, что где-то на земле есть город, о котором поэт всегда помнит, — Петербург. Это город, возведенный Растрелли и Монферраном, город, прославленный целой плеядой величайших имен русской литературы и истории. Санкт-Петербург, тогдашний Ленинград, традиционно был центром исконно русской духовности. А.Кушнер вспоминает: «Родись Бродский в Москве — и многое было бы по-другому. Не встретил бы он тех, кого встретил в свои 19—20 лет, а главное, ему бы не сопутствовали "бессолнечные, мрачные сады и голос Музы, еле слышный"» (8, 12).



И.А.Бродский. Фото 80-х годов

В начале творческого пути город живет вместе с автором в его строках. Без этих улиц и мостов не возник бы в поэзии Бродского тот лирический герой, молодой и одержимый, пытающийся разобраться в смысле этой жизни, в своих чувствах к миру. (Анализ стихотворения **«От окраины к центру»** (1, 12).)

— Каким предстает город в сознании поэта? Какие ассоциации возникают у поэта с понятием «город»? (Родной город — прежде всего — друг, который никогда не солжет, не предаст. Он — собеседник, и ему можно открыть свои сокровенные мысли. С самого начала творческого пути чувствуя свое одиночество, Бродский отстаивал свое право быть таким: поэт не ощущал себя свободным в «дружном, коллективном сегодня», и Петербург помогал ему постичь истину, лишал его иллюзий, но вместе с тем и помогал обрести надежду.)

Тема города звучит в поэзии Бродского на протяжении всей его жизни. Санкт-Петербург для него олицетворение Родины в годы изгнания, он будет своеобразной Меккой, в которую Бродский стремился до конца своих дней, но в которую ему не суждено было попасть. Родной город станет для поэта городом, в который ему «нет возврата».

Есть города, в которые нет возврата. Солнце бьется в их окна,
как в гладкие зеркала. То есть
в них не проникнешь ни за какое злато. Там всегда протекает
река под шестью мостами.
Там есть места, где припадал устами
тоже к устам и пером к листам.
И там рябит от аркад, колоннад, от чугунных пугал;

там толпа говорит, осаждая трамвайный угол,
на языке человека, который убыл.

«Декабрь во Флоренции» (3, 111)

Учащиеся приводят воспоминания М.Перова, который писал, что в Петербург Бродский мечтал приехать какими-нибудь придуманными или обходными путями, что было очень естественно для него, в его стиле. Так, он вынашивал идею приплыть в Ленинград на пароме из Финляндии, чтобы никто не узнал его, в темных очках и с приклеенными усами бродить по городу, который очень любил и о котором столько написал.

Звучит стихотворение **«Облака»** («О, облака Балтики летом!» — 5, 53).

Выступление III группы учащихся. *Бродский и «империя».*

Учащиеся предполагают, что причину, по которой возникло чувство неприятия власть предержащими поэта, Бродский выразил в стихотворении «Посвящается Ялте»:

Как вам объяснить?
Он, видите ли, был
довольно странным
и непохожим на других. Да все,
все люди друг на друга не похожи.
Но он был не похож на всех других. (2, 41)

Более масштабным и целостным явлением, чем город, в мире поэта предстает «империя». «Империя» как объединение народов и культур, как модель абсолютной силы и власти. Сам термин является словесной дерзостью поэта. Первоначально «империя» в стихах Бродского является машиной порабощения: события жизни поэта предоставили ему возможность на себе испытать мощь этого механизма (попытка замалчивания самого факта существования Бродского-поэта, позорный процесс «о тунеядстве», ссылка). За все время жизни в СССР было опубликовано четыре стихотворения Бродского. Но поэт защищался своим оружием. (Чтение стихов **«Речь о пролитом молоке».** — 2, 5.)

Анализируя стихотворение, учащиеся отмечают, что поэт ироничен. Он, видя суть системы, препарирует ее. Пафосные лозунги не вводят его в заблуждение.

Слово «империя» не звучит прямо, но угадывается между строк. Не случайно появляется имя римского философа: автор несколькими штрихами рисует новую «империю», главным оружием которой по-прежнему является страх. Даже наедине с самим собой человек не чувствует себя в безопасности, он знает, что за ним следит неусыпное око:

Я сижу на стуле в большой квартире.
Ниагара клокочет в пустом сортире.
Я себя ощущаю мишенью в тире,
вздрагиваю при малейшем стуке.
Я закрыл парадное на засов, но
ночь в меня целит рогами Овна,
словно Амур из лука, словно
Сталин в XVII съезд из «тулки».

«Речь о пролитом молоке» (2, 33)

Выделяться из серой массы себе подобных опасно. Бродский на собственном опыте знал это. Знал он также и то, что оболваненные идеологией люди, дружно поднимающие руки на собраниях, способны раздавить кого угодно, лишь бы было задано направление. Отношение членов системы к не такому, как все, — главная тема стихотворения «Посвящается Ялте». Жанр стихотворения — детектив. Герои — подозреваемые в убийстве некоего странного человека, играющие в шахматы. Один — не такой, как все. Его чудаковатость особенна, чего никто из окружающих не может сказать о себе.

...да, все люди друг на друга не похожи.
Но он был не похож на всех других.
Да это в нем меня и привлекало.
Когда мы были вместе, все вокруг
существовать переставало. То есть

Ленинград Бродского. Вид с колоннады Исаакиевского собора. Фото Н.Рахманова

всё продолжало двигаться, вертеться —
мир жил; и он его не заслонял. (2, 41)

Главное чувство, которое испытывают люди к незаурядной личности, — равнодушие. Другим быть нельзя: задумавшись об истине, можно задохнуться от окружающей тебя лжи:

Вы правы, нынче очень, очень душно.
И тяжело. И совершенно нечем
дышать. И все мешает. Духота.
Я задыхаюсь. Да. А вы? А вы?
Вы тоже, да? А вы? А вы? (2, 44)

Метафора «удушья», как символ несвободы, рабства духа, еще не раз появится в стихах Бродского.

Выстраивая стихотворение в форме расследования, автор — беспристрастный наблюдатель — констатирует: убийца — не преступник, он — исполнитель воли большинства:

Иначе говоря, убийца тот,
кто не имеет повода к убийству!? <...>
Ведь это — апология абсурда!
Апофеоз бессмысленности! Бред!.. (2, 51)

Завершая анализ, учащиеся отмечают, что последняя строфа стихотворения (она звучит) вдруг обрывает детектив, и новая метафора (связанная с «Колхидой», идущей в море) дает хоть слабую, но надежду.

Выступает IV группа. *И.Бродский в эмиграции.*

Учащиеся делятся своими наблюдениями с классом, комментируя строки из стихотворения «Post aetatem nostram»:

В отличье от животных, человек
уйти способен от того, что любит
(чтоб только отличиться от животных).
Но, как слюна собачья, выдают
его животную природу слезы:
«О, Талатта*!» (2, 98)

— Как раскрывается в творчестве Бродского тема покинутой Родины? Что помогает поэту выжить в чужой стране? Тема бессмертия в поэзии И.Бродского. Тема оставленной Родины — еще одна значимая веха в творчестве зрелого Бродского. Она звучит во многих стихотворениях: «Декабрь во Флоренции» (1976), «Развивая Платона» (1976), «Стрельна» (1977) и др.

Как ни страшно решение об изгнании, Бродский не видит иного выхода. Метафора моря здесь символизирует Родину. В последней строфе — сомнение и страх поэта перед чужбиной:

Но в этом скверном мире
нельзя торчать так долго на виду,
на перевале, в лунном свете, если
не хочешь стать мишенью. Вскинув ношу,
он осторожно стал спускаться вниз,
в глубь континента; и вставал навстречу
еловый гребень вместо горизонта. (2, 98)

Учащиеся отмечают, что, освободившись от тоталитарной системы, Бродский оказался на чужой земле. Совершенно одинок, но и в новом мире, свободном и жизнерадостном, также есть место равнодушию, жестокости, духовной пустоте. В одной из первых своих статей в эмиграции («Оглянись без гнева») Бродский писал: «В сущности, большого различия между положением писателя на Востоке и на Западе нет. И тут и там он пытается прошибить стену. Там стена реагирует на самое легкое прикосновение так, что угрожает физическому существованию писателя, здесь стена молчит, и это угрожает его психике. Скажу правду: не знаю, чего следует больше бояться» (7, 10).

Ученики обращаются к стихотворению «Колыбельная Трескового Мыса» (1975), написанному три года спустя после отъезда из СССР (3, 93), и обращают внимание на то, что главным мотивом цикла стихотворений «Часть речи» (1977) является мотив оторванности поэта от корней, мотив ощущения себя в Нигде и Никем («Ниоткуда с любовью, надцатого мартобря», «Узнаю этот ветер, налетающий на траву», «Я родился и вырос в балтийских болотах» и др.).

Именно в эту пору поэт приходит к выводу, что главное и бесценное наследие, доставшееся ему от Родины, — это язык.

Слово — одна из главных тем творчества Бродского-эмигранта. Именно слово спасает поэта, уводя его из серого мира в страну творчества. Осмысливая пройденный путь, Бродский уподобляет себя маленькой частице Вечности, части того, что останется после него:

...и при слове «грядущее» из русского языка
выбегают мыши и всей оравой
отгрызают от лакомого куска
памяти, что твой сыр, дырявой...
... Жизнь, которой,
как дареной вещи, не смотрят в пасть,
обнажает зубы при каждой встрече.
От всего человека вам остается часть
речи. Часть речи вообще. Часть речи.
«Часть речи» (3, 93)

Внутренний холод одиночества рождает метафору зимы. Спастись от нее можно только творчеством:

Зазимуем тут же, с черной обложкой рядом,
проницаемой стужей снаружи, отсюда — взглядом,
за бугром в чистом поле на штабель слов
пером кириллицы наколов.
«Часть речи» (3, 89)

Бродский никогда не думал об обретении новой Родины. Истинной Родиной для него является только страна творчества. Именно поэтическое слово помогает осознать себя на чужбине как часть единого целого, и покинутая Родина предстала в сознании поэта такой же частью:

И если кто-нибудь спросит: «Кто ты?» — ответь: «Кто, я?
Я — никто», как Улисс некогда Полифему.
«Новая жизнь», 1988 (5, 6)

Посвятив свою жизнь служению языку, Бродский-поэт таким образом решает для себя проблему бессмертия. По его мнению, Вечность принадлежит слову так же, как слово является проводником в лабиринта Вечности:

Так родится эклога. Взамен светила
загорается лампа: кириллица, грешным делом,
разбредаясь по прописи вкривь ли, вкось ли,
знает больше, чем та сивилла,
о грядущем. О том, как чернеть на белом,
покуда белое есть, и после.
«Эклога зимняя», 1977 (4, 126)

Выступление V группы учащихся. *Бродский и традиции классической литературы.*

— В каких стихотворениях Бродского можно наблюдать перекличку, полемику с гениями русской литературы?

— Творчеству каких поэтов Серебряного века сродни настроение Бродского?

Учащиеся начинают свое выступление словами Бродского о Пушкине: «Ничего не имело более великих последствий для рус-

*Талатта — море (греч.).

ской литературы и русского языка, чем эта продолжавшаяся тридцать семь лет жизнь. Пушкин дал русской нации ее литературный язык и, следовательно, ее мировосприятие. С ним русская поэзия впервые заговорила действительно родной речью... Его стихи имеют волнующее, поистине непостижимое свойство соединять легкость с захватывающей дух глубиной: перечитывая их в разном возрасте, никогда не перестанешь открывать новые и новые глубины...» (5, 3).

Учащиеся отмечают, что одним из источников вдохновения для Бродского была русская классическая литература, и прежде всего Пушкин. Сопоставляя строки пушкинского «Памятника» (1836) и **«Я памятник себе воздвиг иной!..»** Бродского (1962), ребята приходят к выводу, что эта параллель делает Бродского не только преемником пушкинских традиций, но и его жизненной позиции:

Какой ни окружай меня ландшафт,
чего бы ни пришлось мне извинять, —
я облик свой не стану изменять.

«Я памятник себе воздвиг иной!..»

Как символ оцепенения русского народа предстает пушкинский «дуб» из «Лукоморья» в стихотворении «Пятая годовщина» (1977):

Там в сумерках рояль бренчит в висках бемолью.
Пиджак, вися в шкафу, там поедаем молью.
Оцепеневший дуб кивает лукоморью. (4, 71)

Но если у Пушкина дуб выступает символом величия русского народа, русского языка, то у Бродского он становится оцепеневшим, соглашающимся с «лукоморьем», которое в стихотворении имеет несколько иную этимологию (от прилагательного «лукавый»). Учащиеся обращаются к стихотворению **«Разговор с небожителем»** (1970) (2, 59), которое, по их наблюдению, является своеобразной полемикой с одой Г.Державина «Бог». Бродский сохраняет присущий оде высокий слог: «лик», «уста», «ангел», «наг и сир» и др.

Аллюзия к пушкинскому «Пророку» также служит идее возвышения темы:

Не стану жечь тебя глаголом.

В «Разговоре с небожителем» просматривается и вариация на тему стихотворения М.Лермонтова «Благодарность»:

Там, наверху...
услышь одно: благодарю за то, что
ты отнял всё, чем на своем веку
владел я.

Учащиеся проводят не только творческую параллель между Лермонтовым и Бродским, но и биографическую: сходство окружающего мира, несогласие с его несовершенством, трагедия одиночества... Однако Лермонтов погиб, не достигнув двадцати семи лет, а Бродскому повезло: он прожил большую творческую жизнь, и потому мотив лермонтовской «Благодарности» прозвучал еще в одном его стихотворении с точностью «до наоборот»:

Что сказать мне о жизни: оказалась длинной.
Только с горем я чувствую солидарность.
Но пока мне рот не забили глиной,
из него раздаваться будет лишь благодарность.

«Я входил вместо дикого зверя в клетку...», 1980 (4, 182)

«Глубинная цитатность» — свойство литературы XX века, но в русской лирике поэтика цитаты, вторичного слова исключительное значение приобрела до Бродского лишь в творчества А.Ахматовой и О. Мандельштама. Бродскому близко ахматовское подражание-соперничество с классическими образцами, а с Мандельштамом его объединяют мотивы одиночества и изгнанничества поэта. Ребята считают, что последние строки стихотворения Бродского «Я входил вместо дикого зверя в клетку...» созвучны мандельштамовским:

...Еще немного — оборвут
Простую песенку о глиняных обидах
И губы оловом зальют.

«1 января 1924 г.», 1924

Слушаем стихотворение Бродского «На столетие Анны Ахматовой» (1989).

Выводы (каждый из пунктов по желанию можно расширить):

Мир в творчестве Бродского предстает своеобразной внешней системой, законы которой объективны и неумолимы. Эти законы враждебны человеческой сущности, и главный из них — природный закон смерти, бренности бытия — обязательный атрибут жизни каждого.

Как поэт Бродский реализует в своем творчестве попытку выхода за пределы своего «я» в сферу чистого духа, которой становится для него мир творчества. Таким образом, закон смерти преодолевается поэтом путем соединения двух миров: поэтического, созданного сознанием, и реального, законом которого является бессмертие языка.

Бродский рассматривает человеческую личность как явление свободное, независимое, и всякое давление на личность, попытки подогнать ее под рамки общепринятого стандарта поэт считает неприемлемыми.

Пространство мира, отображенное в поэзии Бродского, можно условно разделить на географическое, историческое и пространство литературного наследия. Художественная концепция включает в себя мировоззрение автора, его морально-этические принципы, философские воззрения, а также собственно литературные особенности: стиль, проблематику, образность. Поэт — зеркало, в котором отражается мир.

В целом творчество И.Бродского видится сегодня как сплав русской литературной традиции с англо-американской поэтической школой.

Комментирование отметок.

Домашнее задание: сделать письменный анализ стихотворения И.Бродского (по выбору).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. БРОДСКИЙ И. Остановка в пустыне. — Пушкинский фонд. — СПб., 2000.
2. БРОДСКИЙ И. Конец прекрасной эпохи. — Пушкинский фонд. — СПб., 2000.
3. БРОДСКИЙ И. Часть речи. — Пушкинский фонд. — СПб., 2000.
4. БРОДСКИЙ И. Урания. — Пушкинский фонд. — СПб., 2000.
5. БРОДСКИЙ И. Пейзаж с наводнением. — СПб., 2000.
6. ВАСИЛЬ П. Поэты с имперских окраин // Знамя. — 1996. — № 4.
7. ВАРДЕНГА М. Бродский в земле Венеции // АиФ. — 1997. — № 26.
8. КОЗЛОВСКИЙ В. Последние дни И.Бродского // АиФ. — 1996. — № 5.
9. НАЙМАН А. Славный конец бесславных поколений // Октябрь. — 1997. — № 8.
10. ПЕТРОВ М. Иосиф Бродский: Мемориальная мозаика // Эхо планеты. — 1996. — № 11.
11. СКОРОПАНОВА И.С. Иосиф Бродский // Нар. Асвета. — 1996. — № 6, 7, 8.

Д-1

Издательский дом
ПЕРВОЕ СЕНТЯБРЯ

Газета «Английский язык»
Газета «Библиотека в школе»
Газета «Биология»
Газета «География»
Газета «Дошкольное образование»
Газета «Здоровье детей»
Газета «Информатика»
Газета «Искусство»
Газета «История»
Газета «Классное руководство и воспитание школьников»
Газета «Литература»
Газета «Математика»
Газета «Начальная школа»
Газета «Немецкий язык»
Газета «Первое сентября»
Газета «Русский язык»
Газета «Спорт в школе»
Газета «Управление школой»
Газета «Физика»
Газета «Французский язык»
Газета «Химия»
Газета «Школьный психолог»

www.1september.ru

ская областная
ная библиотека
Н.Н. Асеева

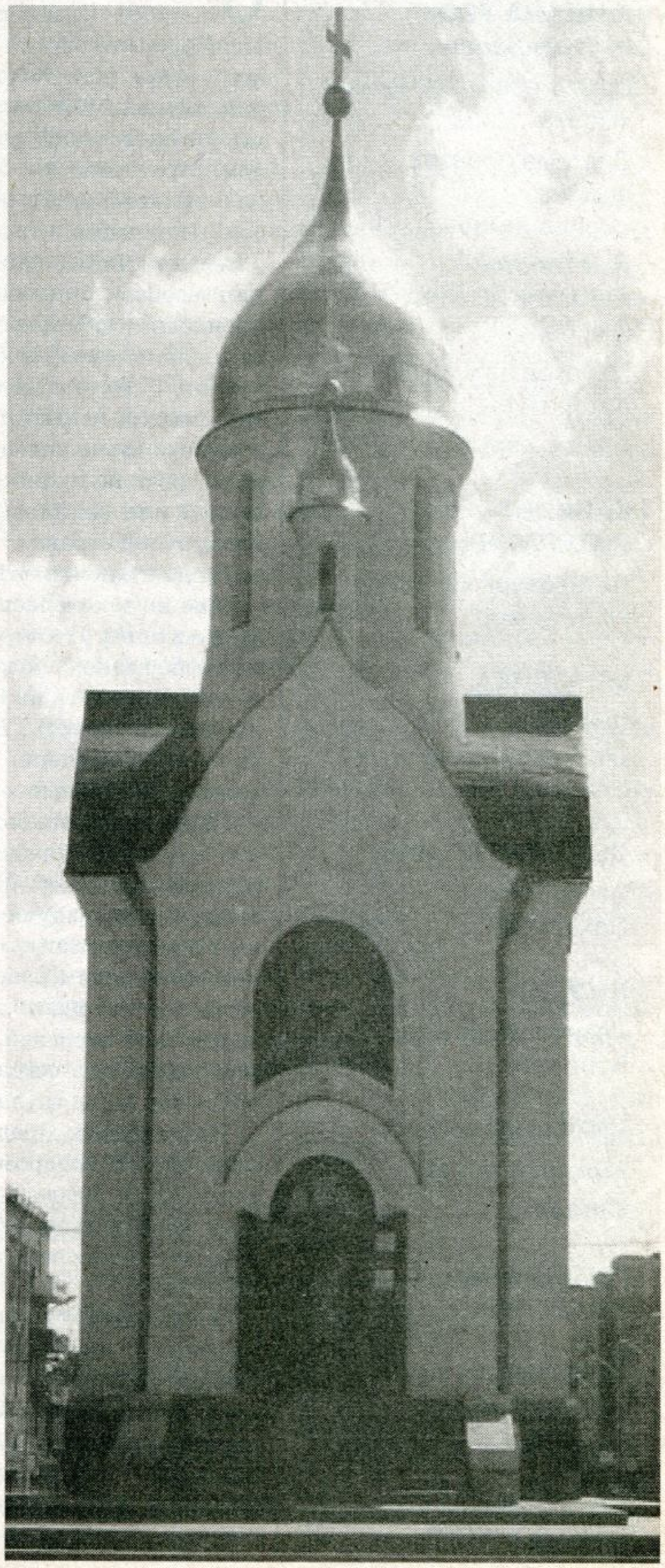
№ 4 16–29 февраля 2008 года
№ 643 • Выходит с 1 сентября 1992 года

ЛИТЕРАТУРА

Литература

Научно-методическая газета для учителей словесности

ИНДЕКСЫ ПОДПИСКИ: ДЛЯ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ ПОДПИСЧИКОВ — 32029; ДЛЯ ОРГАНИЗАЦИЙ — 32593 • ПОДПИСКА ОТКРЫТА КРУГЛЫЙ ГОД



Елена НЕВЗГЛЯДОВА

ЛЕКЦИЯ О БРОДСКОМ

В одиннадцатом классе в курсе литературы увеличивается доля лекционных занятий. Учителю бывает непросто проводить их, поскольку основная нагрузка на уроке ложится на лектора. Сложно и готовиться к лекции: зачастую нужно перелопатить гору материала и придумать стержень, который бы организовал весь рассказ. А как быть, если писатель или поэт не входит в круг освоенных школой авторов, если его творчество не всегда понятно и самому учителю? Так и хочется, чтобы кто-нибудь сначала объяснил тебе самому...

Петербургский критик Елена Невзглядова взяла на себя роль проводника в мир Бродского — биографический и поэтический. Её наблюдения тонки и точны, а язык разговора о поэте по-хорошему прост и ясен. Думается, лекция о Бродском может быть рекомендована и ученикам для прочтения — она с успехом заменит собой тяжеловесные главы иных учебников.

Жизнь и творчество Иосифа Бродского (1940–1996), одного из крупнейших поэтов XX века, второй его половины, в пространственном и временном отношении делится на две почти равные части: он родился в Петербурге-Ленинграде и до тридцати двух лет жил в России, а затем эмигрировал в Америку, жил и умер там на пятьдесят шестом году жизни, будучи русским поэтом и гражданином Соединённых Штатов Америки.

Писать стихи Бродский стал сравнительно поздно; вспоминая об этом, он рассказывал, что однажды семнадцатилетним подростком, читая стихотворение знакомого поэта, подумал, что на ту же тему можно написать лучше. С этого всё и началось. Но торопился жить и чувствовать спешил с самого начала, а чуткая судьба очень скоро позаботилась о том, чтобы внезапно раскрывшееся его дарование получило быструю известность.

Как ни удивительно, этому способствовали неблагоприятные внешние условия. Советская система обучения давала лишь элементарные знания по ряду предметов, не заботясь о развитии самостоятельного мышления, зачастую сводилась к пропаганде. Бродский в пятнадцать лет бросил школу, стремясь как можно раньше окунуться во взрослую жизнь. Годы ранней юности прошли в чередовании разных видов "трудовой деятельности" (был в ходу такой советский штамп) — фрезеровщиком на заводе «Арсенал», помощником прозектора в морге областной больницы, кочегаром в бане, матросом на маяке, рабочим в геологических экспедициях. Ему важно было, что во время перерывов, поисков новой работы он мог интенсивно заниматься самообразованием и писать стихи. "Это тот возраст, — говорил он впоследствии, — когда всё вбирается и абсорбируется с большой жадностью... и абсолютно на всё, что с тобой происходит, взираешь с невероятным интересом". По существу, именно это инкриминировалось ему ханжеским советским судом, вынесшим обвинительный приговор: тунеядец. Постоянного места работы поэт и в самом деле не имел, так как уже избрал в качестве постоянного занятия одинокий труд в стороне от общественных организаций и коллективных усилий. ("Заплачет ночью над тобой // Овидий, первый тунеядец..." — напишет в 1964 году Александр Кушнер, посвящая стихи ссыльному Бродскому.)

Более всего характеру молодого поэта соответствовала сезонная работа в геологических экспедициях — он побывал на севере в Архангельской области, на Дальнем Востоке, в Якутии и в степи к северу от Каспия. Эта работа привлекала тем, что была неподконтрольна бюрократической машине — проходила в природных условиях, в замкнутом профессиональном кругу и давала возможность что-то повидать. Товарищ по экспедиции вспоминает, как однажды в лесу, вылезая дождливым утром из палатки и глядя вокруг на мокрые, тесно обступавшие стволы, он сказал: "А ведь где-то есть Нью-Йорк, Париж..." Россия продолжала жить за глухим железным занавесом, а Бродский всеми силами вырывался из оков разнообразных предписанных законом ограничений. Прежде всего это касалось культуры. Как и многие молодые люди его поколения, он жадно навёрстывал упущенное за время жестокой культурной изоляции в конце сталинского правления. Передавались из рук в руки уцелевшие при чистках библиотек книги: дореволюционные труды философов, романы иноязычных авторов. В начале 60-х появилась возможность знакомиться в "самиздате" с труднодоступными произведениями русских писателей-эмигрантов (фотокопии, машинописные перепечатки книг и отдельных вещей из заграничных журналов). Русские романы Набокова, проза и стихи Ходасевича, Георгия Иванова. Новейшие интеллектуальные и эстетические веяния приходили из Польши. В отличие от западных изданий, польские свободно продавались в СССР. На польские журналы можно было подписаться. "Наверное, половину современной западной литературы я прочитал по-польски..." — вспоминал Бродский; ради чтения Кафки и Камю он выучил польский язык.

Публиковаться неангажированному писателю было трудно. Но существовал круг пишущих людей и просто интеллигентных читателей, делившихся друг с другом знаниями и литературным

опытом, так что машинопись ранних стихов поэта шелестела на письменных столах в ленинградских квартирах, и его удивительный голос, похожий на голос священнослужителя в момент литургических песнопений, звучал в частных домах, где собирались любители поэзии. Поскольку преуспевание в советской России обыкновенно было связано с уступками режиму, которые травмировали совесть и ущемляли человеческое достоинство, очень многие молодые люди не слишком ревностно относились к служебным обязанностям: предпочитали карьере досуг. Не учтённое властью, допускаемое дырявой системой социализма благо досуга создало почву для роста духовных интересов, для развития таланта. В своей Нобелевской лекции Иосиф Бродский скажет о той среде, в которой прошли его молодые годы, о своём поколении, принадлежностью к которому он гордился.

Писать он начал, минуя протоптанный путь — через литературные кружки при Дворце пионеров, при Домах культуры, при Доме писателя, где начинающие обучались поэтическому ремеслу, выполняя учебные задания поэта-преподавателя. Для него стихи не были упражнением, он уже был взрослым человеком, озабоченным смыслом существования, и поэтический труд сразу стал для него образом жизни, поиском ответов на вечные вопросы бытия. Это и отличало его стихи, оттого и были они сразу замечены в литературной среде.

Одно из ранних стихотворений, в котором изображалась скачка во тьме "по бескрайним холодным холмам", символизировало, если можно так упрощённо сказать, одинокий труд жизненного искания; оно монотонно и длинно, оно слишком описательно, слишком туманно-поэтично, слишком красиво, но оно так далеко уносило от будничной реальности, казалось таким неожиданно-фантастичным, отсылая к гётевскому «Лесному царю» и расширяя художественное пространство, что резко выделялось на фоне поэтической продукции того времени, — невозможно пройти мимо, оно завораживало.

Ты поскачешь во мраке по бескрайним холодным
холмам
вдоль берёзовых рощ, отбежавших во тьме,
к треугольным домам,
вдоль оврагов пустых, по замёрзшей траве,
по песчаному дну,
освещённый луной, и её замечая одну.

Гулкий топот копыт по застывшим холмам —
это не с чем сравнить,
это ты там, внизу, вдоль оврагов ты вьёшь
свою нить,
там куда-то во тьму от дороги твоей отбегает
ручей,
где на склоне шуршит твоя быстрая тень
по спине кирпичей...

...Нет, не думай, что жизнь — это замкнутый
круг небылиц,
ибо сотни холмов — поразительных круп кобылиц,
на которых в ночи, но при свете луны, мимо
сонных округ,
засыпая, во сне, мы стремительно скачем на юг...

Разве жизнь может быть замкнутым кругом *небылиц*? И почему холмы — это один круп (в единственном числе) нескольких (во множественном числе) кобылиц? "Во сне... скачем" — более или менее понятно, только почему "засыпая"? Но эти вопросы не приходят в голову: такая волшебная, такая обворожительная мелодия! Такой напор чувств в этом мощном потоке печали и стремления! И другое, того же года, похожее, длинное стихотворение, ещё более пронзительное, печальное и счастливое одновременно — «От окраины к центру».

Вот я вновь посетил
эту местность любви, полуостров заводов,
парадиз мастерских и аркадию фабрик,
рай речных пароходов,
я опять прошептал:
вот я снова в младенческих ларах.
Вот я вновь пробежал Малой Охтой
сквозь тысячу арок.

...Это наша зима.
Современный фонарь смотрит мертвенным оком,
предо мною горят
ослепительно тысячи окон.
Возвышаю свой крик,
чтоб с домами ему не столкнуться:
это наша зима всё не может обратно вернуться.

Не до смерти ли, нет,
Мы её не найдём, не находим.
От рожденья на свет
ежедневно куда-то уходим,
словно кто-то вдали
в новостройках прекрасно играет.
Разбегаемся все. Только смерть нас одна собирает.

Значит, нету разлук.
Существует громадная встреча.
Значит, кто-то нас вдруг
в темноте обнимает за плечи,
и, полны темноты и покоя,
мы все вместе стоим над холодной блестящей
рекою...

Двадцатидвухлетний, он прощался в этих стихах с юностью, заглядывал в будущее и, не упуская из виду неизбежность смерти, примеривался к ней, пытаясь найти смысл, который помог бы с ней смириться.

Так же очарователен, мелодичен и сразу был "затвержен вхруст" «Рождественский романс» 1962 го-

да (он и впрямь похож на ту шубертовскую сонату, "затверженную вхруст", которую "наверчивал, как чистый бриллиант" Александр Герцович, еврейский музыкант, в стихах Мандельштама).

Плывёт в тоске необъяснимой
среди кирпичного надсада
ночной кораблик негасимый
из Александровского сада,
ночной фонарик нелюдимый,
на розу жёлтую похожий,
над головой своих любимых,
у ног прохожих.

...Плывёт в глазах холодный вечер,
дрожат снежинки на вагоне,
морозный ветер, бледный ветер
обтянет красные ладони,
и льётся мёд огней вечерних
и пахнет сладкою халвою;
ночной пирог несёт сочельник
над головою.

Твой Новый год по тёмно-синей
волне средь шума городского
плывёт в тоске необъяснимой,
как будто жизнь начнётся снова,
как будто будет свет и слава,
удачный день и вдоволь хлеба,
как будто жизнь качнётся вправо,
качнувшись влево.

С самого начала Бродским было уловлено таинственное свойство поэзии — сочетать печаль со счастливыми порывами души, когда она наделена творческой силой. Самые скорбные стихи (например, «Осень» любимого им Баратынского) каким-то необъяснимым образом внушают счастье, уверяют в его возможности на земле.

Одним из главных событий жизни Бродского была встреча с Ахматовой. Как это нередко бывает с дарами судьбы, в августе 1961 года молодой Иосиф не был к ней готов: мало знал стихи Ахматовой и был увлечён поэзией Цветаевой. Понимание пришло несколько позже. Кроме того, поэтика Ахматовой (не поэзия, а поэтика) была ему не нужна (из современников более других пригодился Слуцкий). Вспоминая о визитах к Ахматовой в компании приятелей-поэтов Рейна, Наймана и Бобышева, Бродский в одном из своих интервью сказал: "Мы шли к ней, потому что она наши души приводила в движение, потому что в её присутствии ты как бы отказывался от себя, от того душевного, духовного — да не знаю уж как это там называется — уровня, на котором находился, — от «языка», которым ты говорил с действительностью, в пользу «языка», которым пользовалась она. Конечно же мы толковали о литературе, конечно же мы сплетничали, конечно же мы бегали за водкой, слушали Моцарта и смеялись над правительством. Но, оглядываясь назад, я слышу и вижу не это; в моём сознании всплывает одна строчка из того самого «Шиповника»: «Ты не знаешь, что́ тебе простили...» ...Это сказано именно голосом души — ибо прощающий всегда больше самой обиды и того, кто обиду причиняет. Ибо строка эта, адресованная человеку, на самом деле адресована всему миру, она — ответ души на существование. Примерно этому — а не навыкам стихосложения — мы у неё учились". И ещё: "...Я думаю, что во многом именно ей я обязан лучшими своими человеческими качествами. Если бы не она, потребовалось бы больше времени для их развития, если б они вообще появились". Невозможно вообразить, чтобы они не появились у поэта такого масштаба, но, в самом деле, подростки 50–60-х годов были предоставлены казённым заведениям и уличным "университетам", — роль передаточного звена культуры для молодого Иосифа сыграла Ахматова. В дальнейшем, поддаваясь распространённым веяниям молодёжной моды (в частности, мужественности по Хэмингуэю, с его культом силы и хмельной доблести, которая многих талантливых людей сбросила с проезжей дороги на обочину), Бродский был хорошо защищён воспринятым иммунитетом.

На годы дружбы с Ахматовой, которая продолжалась вплоть до её смерти в 1966 году, пришлись исключительно трудные испытания в жизни поэта: драматически развивавшаяся любовь, сумасшедший дом, предательство друга, попытка самоубийства, тюрьма, чудовищный суд, ссылка, разрыв с любимой. Судьба распорядилась снабдить его в юности такими острыми переживаниями, которых хватило "на всю оставшуюся жизнь".

1963 год был для России годом идеологической реакции, последовавшей за короткой хрущёвской "оттепелью". Партийная номенклатура почувствовала угрозу своему режиму после разоблачения культа личности. На пленуме ЦК КПСС был взят курс на реставрацию сталинской политики в области литературы и искусства; особый контроль постановили учредить за воспитанием молодёжи. И ленинградский КГБ, тесно связанный с обкомом комсомола и партийной верхушкой Союза писателей, не мог не обратить внимание на то, что молодой непечатающийся поэт становится необыкновенно популярен среди городской интеллигенции. "Упадническое и формалистические" — такой ярлык прикреплялся к свободным сочинениям, игнорирующим цензуру и так называемый "социальный заказ". Формализма в стихах Бродского было меньше, чем, например, у печатающихся Вознесенского или Сосноры, назвать "упадническими" при желании можно было любые лирические стихи, а откровенно антисоветских Бродский тогда не писал, но именно он был выбран для показательного преследования: слишком выделялся, слишком был заметен, слишком свободен и независим.

В течение осени 63-го травля поэта усиливается, и, спасаясь от ареста, он уезжает в Москву, где друзья помещают его в психиатрическую больницу на обследование, надеясь, что медицинский диагноз душевного расстройства сможет его уберечь. В это время политических гонений происходят события, заслонившие в его восприятии последующие беды. Он узнаёт о связи своей возлюбленной с человеком, которого считал другом, и всё дальнейшее — арест и оба суда — проходят для него на фоне любовной катастрофы: измены и предательства. "На долю Бродского выпало немало исключительных событий и потрясений, — пишет его друг и биограф, поэт Лев Лосев, — благословения великих поэтов, Ахматовой и позднее Уистана Одена, аресты, тюрьмы, психбольницы, приступы смертоносной болезни, всемирная слава и почести, но центральными событиями его жизни для него самого на многие годы оставались связь и разрыв с Мариной (Марианной) Павловной Басмановой".

...Это ты, горяча,
ошую, одесную
раковину ушную
мне творила, шепча.

Это ты, теребя
штору, в сырую полость
рта мне вложила голос,
окликавший тебя.

Я был попросту слеп,
Ты, возникая, прячась,
даровала мне зрячесть.
Так оставляют след.

Так творятся миры.
Так, сотворив, их часто
оставляют вращаться,
расточая дары.

Так, бросаем то в жар,
То в холод, то в свет, то в темень,
в мирозданье потерян,
кружится шар.

Стихи, посвящённые "М.Б.", Бродский собрал в книгу «Новые стансы к Августе» (название отсылает к Байрону). О них в последние годы жизни он говорил: "Это главное моё сочинение". В них вложен очень важный духовный опыт. В них есть сюжет — он развивается от первого, относительно счастливого периода любви («Песни счастливой зимы») к стихам, написанным спустя много лет после разрыва, — в эмиграции. Сюжет этот, говорит Лев Лосев, — история становления личности. Вероятно, так и есть. Во всяком случае, можно предположить, что та острота чувств никогда больше не повторилась, и потому "памятью сердца" он возвращался к ней всю жизнь. Тоска по любви, видимо, может быть такой же настойчивой, как сама любовь.

13 февраля 1964 года Бродский был арестован. На двух судебных заседаниях — 18 февраля в Дзержинском районном суде и 13 марта на Фонтанке — слушалось его дело. Допрос, который вела судья Савельева, был цинично направлен на осуждение. Весь процесс, подробно описанный разными очевидцами (а стенограмма, сделанная Ф.А. Вигдоровой, стала документом огромного значения в новейшей политической истории России), вёлся как будто по сценарию, написанному Кафкой. Человека обвиняли не в том, что он не работает — помимо упомянутых разных видов работ ко времени судебного разбирательства было напечатано несколько переводов Бродского, — а в том, что он мало зарабатывает, что не могло быть квалифицировано как уголовное преступление. Тем не менее на втором судебном заседании, после трёхнедельного пребывания подсудимого в психиатрической больнице «На Пряжке» (первые три дня в палате буйных) для получения справки о трудоспособности, суд, не заботясь о соблюдении юридических приличий, подтвердил обвинение в тунеядстве и вынес приговор: выселить из Ленинграда на срок в пять лет с привлечением к труду по месту поселения.

Удивительные, прекрасные стихи были написаны им в деревне Норенской Архангельской области, куда он был отправлен в ссылку и где провёл полтора года в вынужденном, но необычайно плодотворном и в этом смысле счастливом уединении. Воспоминания об этом периоде жизни неизменно оставались для него окрашены в светлые тона.

...Друг Полидевк! Тут всё слилось в пятно.
Из уст моих не вырвется стенанье.
Вот я стою в распахнутом пальто,
и мир течёт в глаза сквозь решето,
сквозь решето непониманья.
Я глуховат. Я, Боже, слеповат.
Не слышу слов, и ровно в двадцать ватт
горит луна. Пусть так. По небесам
я курс не проложу меж звёзд и капель.
Пусть эхо тут разносит по лесам
не песнь, а кашель.

Сентябрь. Ночь. Всё общество — свеча.
Но тень ещё глядит из-за плеча
в мои листы и роется в корнях
оборванных. И призрак твой в сенях
шуршит и булькает водою
и улыбается звездою
в распахнутых рывком дверях...

...Эвтерпа, ты? Куда зашёл я, а?
И что здесь подо мной: вода, трава,
отросток лиры вересковой,
изогнутый такой подковой,
что счастье чудится,
такой, что, может быть,
как перейти на иноходь с галопа
так быстро и дыхания не сбить,
не ведаешь ни ты, ни Каллиопа.

Затерянный в глуши поздней осенью лирический герой пытается объять разумом смысл бытия, который вот-вот, кажется, откроется ему благодаря странности пребывания в чужой местности на краю света. На протяжении двенадцати строф читатель в волнении сопровождает блуждания ищущей мысли, прикладывает к себе чувства одиночества, недоумения, смирения, и — вместе с тем — могущественные душевные силы автора ("обещания в груди сокрытой музы" — воспользуемся словами Баратынского). Как по-домашнему окликает поэт музу лирической поэзии: "Эвтерпа, ты?" А этот вопрос — и детский, и дерзкий — ввиду отсутствия торжественно-подобострастной нотки, приличествующей музам: "Куда зашёл я, а?" Это ждущее ответа "а?"... Как много может значить в стиховой строке одна вопросительная частица!

Свои невзгоды Бродский не воспринимал как обстоятельства местного значения, в которых повинны несколько облечённых властью негодяев; он принимает страдание как условие человеческого существования. Даже тюрьму и психбольницу. *"Колючей проволоки лира // маячит позади сортира... И часовой на фоне неба // вполне напоминает Феба"*. Мифология привлекалась им не как украшение, а как расширение пространства, где человеку суждено знакомство с жизнью и с самим собой. Общечеловеческое чувство экзистенциальной вины, не обязательно связанное с иудеохристианским представлением о первородном грехе, всегда присутствовало в поэзии и в интеллектуальной жизни Бродского. В «Письме президенту» (1993) он писал: "Не живёт ли в каждом из нас какая-то вина, не имеющая никакого отношения к государству, но не менее ощутимая? Поэтому всякий раз, когда рука государства настигает нас, мы смутно воспринимаем это как возмездие, как прикосновение тупого, но тем не менее предсказуемого орудия Провидения". Виновность человека в том, что он в своей повседневной жизни "меньше самого себя" — "Less then One"; человек не всегда соответствует своим возможностям. Эту экзистенциональную вину Бродский изживал своей работой за столом. Поэту изначально дан поэтический взгляд на мир, который наподобие разрывающего темноту луча света — маяк на берегу — нашаривает смысл в пустоте вселенной. И даже стены тюремной камеры не стесняют его ищущий ум. Пятнадцать лет спустя он напишет в стихотворении, подводящем итог сорокалетней жизни: *"...Я впустил в свои сны воронёный зрачок конвоя, // жрал хлеб изгнанья, не оставляя корок. // Позволял своим связкам все звуки, помимо воя; // перешёл на шёпот. Теперь мне сорок. // Что сказать мне о жизни? Что оказалась длинной. // Только с горем я чувствую солидарность. // Но пока мне рот не забили глиной, // из него раздаваться будет лишь благодарность"*.

Окончание следует.

Учебники издательства «Дрофа», вошедшие в Федеральный перечень 2008—2009 и рекомендованные Министерством образования и науки для использования в общеобразовательных учреждениях РФ

Черкезова М. В. и др. **«Русская литература».** 5—9 классы

Предлагаемые учебные книги существенно отличаются от ранее существовавших своей структурой и подачей литературного материала. Это учебники нового поколения, они созданы по обновленной программе литературного образования и имеют единую стройную систему. Отбор художественных произведений определяется образовательным стандартом, возрастом школьников и тем, что русский язык является неродным для ребят, которым предназначены книги.

В новых учебниках усилен методический аппарат, введены рубрики, способствующие осмыслению роли слова в художественном тексте, повышению речевой культуры, активизации речевой деятельности учащихся. Очень важной особенностью учебников является культуроведческий подход, позволяющий расширить знания школьников в области истории и культуры русского народа.

Для каждого класса выпущены методические рекомендации для учителя.

Издательство «Дрофа»
127018, Москва, Сущевский вал, д. 49, стр. 1. Тел.: (495) 795-05-50, 795-05-51, факс: (495) 795-05-52. E-mail: sales@drofa.ru, http://www.drofa.ru

Ш.74687

НЕВА

5

2006

ОЛЕГ ЮРЬЕВ

УМ

Напечатанный (приятель полтора года мученически целился указательным) на восьмушках почтовой бумаги высшего полупапиросного качества с синим обрезом и за рубль у подпольного частника переплетенный, конечно же, не без самопального вензеля-кренделя расплывшимся золотом по синей обложке, неведомо чьим безошибочным вкусом выбранный по «марамзинскому собранию» том Бродского. Лет двадцать пять прошло, но я помню еще — от трех или четырех стихотворений («Ни страны, ни погоста…», «Рождественский романс», кажется, «Письма к римскому другу», несомненно «Сын, если я не мертв, то потому…» с его гениально украденными у Вертинского строчками «Во мне кричит все детское. Ребенок / Один боится уходить во тьму») — тот особый мгновенный озноб продольно сквозь позвоночник и в одновременном сочетании с ним такой же мгновенный подложечный как бы ожог: обычный физиологический отзвук великих стихов и, хотя это к теме сейчас не относится, точно такой же, как ни странно, неотличимо такой же — от высшей степени стихотворной бездарности, которая в чистом виде, в сущности, встречается так же редко, как гениальность. А впрочем, неудивительно — и тут и там на нервы действует абсолютное (но лишь только абсолютное!) бесстыдство всецелой (но единственно лишь всецелой) человеческой обнаженности, с литературным качеством непосредственно не связанное. Великими стихами является лишь один из многих возможных способов достижения такого бесстыдства, если кому оно нужно, и далеко не самый эффективный при этом.

Сразу же должен оговориться, что не вкладываю в понятие «великие стихи» никакой особенной мистики — но и никакой точной науки. Великими называются стихи, которые ощущаются великими, великий же поэт — тот, кто их написал, вне зависимости от обстоятельств и личностей. В этом смысле Александр Ривин с его двумя с половиной стихотворениями равен Гомеру. А автор «Сороковых-роковых» — Лермонтову, как в этом ни прискорбно признаться. Иосиф Бродский написал сорок бочек арестантов великих стихов начиная с примерно 1959-го до примерно 1977-го, в последующие годы — еще три-четыре штуки[1], стало быть, статус его не подлежит, с моей точки зрения, никакому сомнению, но это, разумеется, несущественно. «Несущественно»

.....

[1] Нет смысла специально останавливаться на том, что в конце 70-х годов произошло со стихами Бродского. Интересующихся отсылаю к блистательной и обильной примерами статье А. Расторгуева (В. Тележинского) в сборнике «Иосиф Бродский размером подлинника» (сборник статей и публикаций к 50-летию Бродского, Таллин, 1990), о которой сам предмет заметил в частной беседе с одною передачливой поклонницей, что это единственный осмысленный материал на всю книжку, от себя скажем, полную то жалкого раболепия, то скрытого недоброжелательства, а иногда и того и другого одновременно.

безо всякой иронии. Меньше всего мне бы хотелось притовариться к стаду пожилых инженерских телят, «кусающих груди кормилицы», потому что им удалось заработать пару долларов на искусственные челюсти — просто сам Бродский, абсолютный чемпион России в области литературной политики со времен Брюсова (при всей несоизмеримости личных дарований, не в пользу, разумеется, старательного старателя Валерия), сам себя сманеврировал в эту зону бесспорности, в зону полной — лет еще двадцать, пожалуй, — бессмысленности полемического обсуждения его фигуры, не говоря уже о персоне. Воздействие Бродского на русское стихосложение, в первую очередь профессионально-массовое, переоценить трудно. Оно настолько велико, что уже почти не ощущается. Страх и ужас литобъединений 70–80-х годов — «похоже на Бродского» — практически никому уже не ставится в упрек, хотя и наполняет журналы и книги[1]. Но пишущие в сегодняшних журналах и книгах — стихами, прости Господи! — использующие этот совершенный, даже слишком совершенный речевой инструмент Бродского в качестве общедоступного freeware, они-то еще по большей части родом из того времени, из времени «большого анжамбманного террора». Они про себя знают. Поэтому им не хватает у Бродского духовности.

Пожалуй, главное, что выделило Бродского из сонмища совслужевских детей, в конце 50-х и начале 60-х годов вышедших на возрождение русской поэзии, как на освоение целинных и залежных земель, это не сами по себе определенные ему Богом дарования, но дарованное ему умение эти дарования приложить и развить. Точнее говоря, корень этого умения — его исключительный в русской поэзии ум, понятый как способность к соображению. К со-ображению. Не только к со-ображению внутри отдельного текста, это как раз основа любого сочинения стихов, то, что Пушкин понимал под вдохновением. Но к со-ображению в контексте собственного корпуса и, самое главное, в больших литературных контекстах, причем к соображению сугубо *утилитарному* (не ругательство и не похвала): *что из чего можно сделать, что к чему сгодится*[1]. С Бродским не происходило никаких обычных в биографиях больших поэтов «чудес» (архетип — Лермонтов: юношеская графомания в эклектической эстетике «Библиотеки для чтения» и вдруг, в сущности, внутри той же самой эстетики, эклектики и необязательности — рационально необъяснимый взрыв), Бродский вытянул себя из бессознательного хаоса сам, за рыжее из ржавого, последовательными осмысляющими усилиями, выводы из которых немедленно прилагались им к практике стихосложения. Брал же он свое там, где всякий мог его взять, — из книжки полухалтурных переводов, из на три четверти довоображаемого чтения на иностранных языках, из устных воспоминаний, из разговоров ученых знакомцев, даже из советской литературной теории. К слову сказать, у советской литературной машины были на самом деле две литературные теории — внутренняя (практическая) и вне-

.....

[1] Похожее случилось начиная примерно с середины XIX века с Пушкиным, нам уже невозможно почувствовать или представить себе, что кто-то писал или пишет «похоже на Пушкина», хотя в 20–30-х годах в этом обвиняли всех подряд. Даже прилежного барона Розена сегодня в этом никто бы не заподозрил. Некрасов, без остатка разошедшийся в стихотворстве 80–90-х годов — еще один пример этого «исчезновения стиля».

[1] В качестве не доказательства, но примера: «Просто я хотел а) переплюнуть британцев, метафизиков... Дело в том, что поэзия — это колоссальный ускоритель мышления. Она ускоряет работу мысли. И вот я подумал: хорошо, Иосиф, тебе надо изложить на бумаге мысль, или образ, или что угодно и довести их до логического конца, где начинается метафизическое измерение. Так бы я сформулировал свою задачу, если бы умел это делать тогда»,— из интервью Дэвиду Бетеа, «Независимая газета» от 27 янв. 2000 г., и там же далее: «Мне просто нравилась строфика, я любил ее центробежную силу...»

шняя (официальная), наподобие оруэлловских партий. С этой точки зрения сила первоначального воздействия Бродского на советскую публику может частично объясняться тем, что он выступил в несколько парадоксальном качестве «идеального поэта» по *внешней* теории — «настоящий эпос», «настоящие большие чувства», «настоящий сегодняшний человек в центре», романтическое напряжение и реалистическое изображение социального бытия, живой язык на основе «классических заветов», наконец, — всего этого формально требовали от любого советского поэта, но, в сущности, никогда ни с кого не спрашивали, заранее смиряясь с паллиативами. Эта внешняя теория была как бы «для красоты», ее исполнение заведомо блокировалось недостижимостью заданного идеологического результата. Бродский 60-х годов — именно тот поэт, о котором официальная теория и мечтала, то есть заявляла, что мечтает. До некоторой степени это похоже на идею ранней правозащиты — пойти и потребовать от властей исполнения закона, про который все знают, что он просто так, для красоты.

Талант встречается часто, ум — почти никогда. Гений — это не много таланта и даже не высшая степень таланта, а большой талант и ум в их удавшемся взаимодействии. Если бы современники имели склонность давать прозвища не по внешнему, а по основному, им бы пришлось прозвать Иосифа Бродского не Рыжим, а — как афиняне Анаксагора — Умом. Да уж какие там афиняне, те-то были пусть и легкомысленным, продажным и эгоистичным, но несомненно свободным народцем.

Ум Иосифа Бродского, почти безошибочно действовавший в области больших контекстов, продольных и поперечных временных рядов, сделал его, скорее всего как побочное следствие — я уже об этом упомянул, — непревзойденным гением литературной политики. Литературная политика — это не интриги по поводу публикации, литфондовской дачи или грошового гранта, как ошибочно и в первую очередь по недостатку воображения все еще полагает большинство субъектов литературной жизни, литературная политика — это искусство навигации в идеальном фарватере большой иерархии при учтении и использовании реальных отмелей, водоворотов, вешек и т. д., то есть реальной социологии литературного процесса, в которой основную роль в соответствии с натурой вещей играют вышеупомянутые дачи и гранты и обозначаемые ими небольшие честолюбия, более всего боящиеся признаться себе в том, какие же они все-таки небольшие. Именно в этой, а не в собственно литературной области был Бродский учеником и первенцем Анны Ахматовой, как известно, примерно с середины 50-х годов положившей в основание своей жизни борьбу за утверждение «четверичного мифа», за внесение в будущий воображаемый учебник своего рода «коллективного Пушкина» XX века, в жертву чему были принесены и историко-биографическая достоверность (как, например, в ее воспоминаниях о Мандельштаме), и в конечном итоге «Поэма без героя», бесконечно переписываемая (и ухудшаемая) под образ безупречной величественности. Бродский унаследовал это ее отчетливое, несомненно происходящее из 10-х годов, слегка гимназическое представление о большом литературно-историческом контексте и так успешно вписал себя в этот контекст, что в значительной степени изъялся из своего собственного времени. Его зверское добродушие по отношению к современникам и объясняется по большей части тем, что они для него никакими современниками не являлись — Бродский, не в непосредственной своей поэтике, а в самоощущении, катапультировал себя в некие «двадцато-тридцатые годы», сделался как бы «последним всерьез поэтом», пятым колесом в священной колеснице АЦМП. АЦМП (б). Такова была его стратегия.

Ирония биографии Иосифа Бродского, конечно, заключается в том, что за границей, в совершенно неиерархической и

принципиально беспородной культуре, давно являющейся к тому же не главным блюдом общественного банкета, а неким десертом, заказываемым по привычке, по принятому пока что регламенту и потому, что «доходы позволяют», но оставляемым на тарелке почти что нетронутым (частью по причине «спасибо, наемшись», частью по причине «мне лягушку хоть сахаром облепи»), все это его тактическое и стратегическое искусство оказалось малоприменимым. Надо было срочно развивать параллельные тактики, что благодаря не только выгодной исходной позиции, но и исключительной умственной способности Бродского оказалось для него не так уж и сложно. Но с идеей большой стратегии пришлось постепенно распрощаться. Бродский смотрел на вещи реально и всегда жил там, где жил.

Но как раз в эти времена, в особенности после Нобелевской премии, прорыва границ и внезапно, неожидаемо забурлившего потока посетителей «с той стороны»: друзей юности, молодых стихотворцев, старых глупых критиков, интервьюеров, барышень, желающих «приобщиться к телу», практикуя с ними и через них литературную политику как своего рода «искусство для искусства», в сущности, уже безо всякой серьезной личной надобности, Бродский и достиг вершины своего мастерства в этой области. Впору называть, как в фигурном катании или шахматах, его именем те или иные комбинации, прыжки и поддержки, например, трехходовку «ложный дуумвират» или поддержку «учитель». Сколько недалеких счастливцев возвращались из далеких америк с задирающей подбородок идеей: «Мы с Иосифом два первых поэта» — и не без задней мыслишки: «Иосиф-то где, а я вот он тут». Самозабвенным чириканьем на этот мотив заполнялись эфиры и печатные площади, но через некоторое время, конечно же, обнаруживалось, что таких резвых двоиц — «Мы с Иосифом первые» — бродит по площадям и эфирам не одна, не две и не пять, и в них только один член постоянный, а второй — легче легкого заменяемый. Эффект описывать нет надобности. Я уж не говорю об «учителях» Иосифа Бродского, имя им легион. Бродский вообще был Цезарь.

Зачем ему было все это нужно, если ему все это было очевидно не нужно? — бороться давно было не за что, ни в практическом, ни в честолюбском смысле, свою изобильную «хвалу» он искусно и сознательно превратил в небрежно позолоченное оскорбление, «хулой» же практически никого не побаловал: Россия ему представлялась, скорее всего, чем-то полупризрачным, малореальным, «царством теней» (что в каком-то смысле являлось перенесением и переворотом стандартного советского отношения к эмиграции), ни в какую «текущую» русскую литературу «после себя» он по большому счету не верил. Зачем все-таки? Думаю, ответ прост: у него был талант к этому.

Двадцать лет разницы в возрасте освобождают от ревности. Знание обстоятельств и личностей, просто по происхождению из «родного города», как это у него называлось, да и по пересекающемуся кругу знакомств, предохраняют от неловких движений. Таким образом, автору этих строк прощать Иосифу Бродскому за его *writing well* нечего, хотя, может, и хотелось бы, для красоты цитаты. Но так уж оно сложилось. Никаких общезначимых «грехов» Бродский не совершал, оставаясь частным человеком в своей частной игре с иерархиями. Поэтому остается только быть благодарным — «за хорошие стихи». И я остаюсь благодарен.